

Культур-мультиур по-ленинградски

В первый раз с культурной столицей нашей Родины я познакомился уже довольно давно, еще в 1981 году, когда нас, студентов архитектурного факультета Куйбышевского строительного, отправили в Ленинград на преддипломную практику. Так сложилось, что меня, как наиболее крепкого с виду, сразу же выделили из нашей группы хилых очкариков и сделали предложение, от которого я не смог отказаться. Надо сказать, что горбатиться за кульманом в душной проектной конторе еще и летом мне показалось гораздо менее привлекательным, нежели заработать дополнительные деньги в составе геологической группы. Лом и лопата гораздо более подходят настоящему мужчине, чем рейсфедер и рапидограф. Долбить шурфы пришлось в самых неожиданных и затейливых местах исторической части города, о чем я потом ни разу не пожалел, успев познакомиться с такими закоулками, до которых мои более прилежные сокурсники никогда бы не смогли и не успели добраться после работы.

Подельники мне попались хоть куда. Поработав в поте лица до обеда и выполнив задачу, они милостиво отпускали меня на все четыре стороны, предпочитая восстанавливать потраченные силы в более приватной обстановке. Поскольку я к алкоголю всегда относился довольно спокойно, то не заставлял себя долго упрашивать и отправлялся в свободный поиск, изучая северную Пальмиру так, как вряд ли когда бы смог себе позволить позже. Конечно, за два месяца я успел побывать в Петергофе, на Исаакиевском соборе, множестве других замечательных мест, но мои интересы были далеки от традиционных музейных ценностей. Так, пробежав практически весь Эрмитаж за пару часов и не заметив там почти ничего для себя невиданного, я провел в Русском музее почти полчаса, наслаждаясь серовским портретом Иды Рубинштейн, смелостью ее композиции и точностью линий, который оказал неизгладимое влияние и на мой графический стиль. Не скрою, радовала и схожесть с одной моей однокурсницей...

Тот, кто бывал в Питере в период белых ночей, меня прекрасно поймет. Для любого ценителя прекрасного, город представляет неисчерпаемую сокровищницу самых разнообразных красот, панорам и видов. Я быстро понял, что у меня не хватит фотопленки для того, чтобы отснять все интересное, и постарался запечатлеть увиденное в своей памяти, которая оказалась надежнее и ярче даже популярных тогда слайдов. Меня, как архитектора, привлекали не только всем известные разводные мосты, великолепные дворцы и центральные проспекты, но и уходящие в неизведанное переулки, тесно застроенные потрясающими по детализировке доходными домами, с узкими дворами-колодцами, скрывающиеся в глубине старых парков таинственные скульптуры и уютные беседки. Так, недалеко от нашей общаги, на площади перед Академией связи, я вдруг обнаружил хорошо мне знакомый памятник Чапаеву, всегда считавшийся символом Куйбышева, копию которого, как оказалось, Манизер сделал в 30-е годы по просьбе Кирова.

Пришлось копать нам и на Дворцовой площади, рядом с Александровской колонной, и в Петропавловской крепости, под завлекательный звон из окон Монетного двора, и даже в Кронштадте, который был тогда закрытым городом, а спецпропуск проверяли сразу же по прибытии Метеора на подводных крыльях к причалу. Впрочем, я им воспользовался и тогда, когда не смог устоять перед соблазном посмотреть французскую комедию с Бельмондо «Кто есть кто?», которая еще не шла в Ленинграде, но ее показывали в кинотеатре «Максим

Горький», расположенном тогда в бывшем Морском Никольском соборе. Величественные интерьеры храма, не до конца уничтоженные богоборцами-коммунистами, входили в весьма сложное взаимодействие с развеселым боевичком и придавали происходящему легкий оттенок сюрра, парадоксально напоминая роскошные интерьеры казино из фильма.

Однако, еще более странное приключение случилось со мной, когда я, закончив шурф у загадочного здания на Приморском проспекте, привлеченный его необычными формами, решил заглянуть внутрь сквозь приоткрытые двери. В глубине гулкого и пыльного зала, окруженного колоннами с неизвестным орнаментом, сквозь сумрак я вдруг различил очертания странной скульптуры. Высокое и непривычно украшенное помещение было завалено какими-то ящиками и производило впечатление заброшенности. Несмотря на тишину и безлюдье, я не рискнул пройти далеко внутрь, испытал не столько страх, сколько весьма сильное и волнующее ощущение от столкновения с чем-то для меня тогда совершенно неизведанным и непостижимым. Лишь много позже я узнал, что попал тогда в самый северный в нашей стране буддийский храм «Дацан Гунзэчойнэй», в котором в те дикие, позднесоветские годы располагались лаборатории Зоологического института.

Наше временное пристанище в Ленинграде оказалось по-своему занятым. Моя группа разместилась в пустующем летнем общежитии института культуры на Ланском проспекте (ранее Смирнова). Из окон доносились гаммы и распевки, по коридорам тренировали растяжку и крутили фуэте начинающие балерины. В эту пору там, кроме нас, слонялись лишь немногочисленные иногородние абитуриенты и вечные студенты, которым было просто некуда и незачем податься из своей альма-матери. С одним из таких мы и свели дружбу за рюмочкой чая, в свободное от поиска наивных первокурсниц время. Он поведал нам немало занятных баек о местных обычаях и сленге, из которого в моей памяти остались лишь два термина «берлять» (от берло-еда) и «друшлять» (видимо, от друшлага) – спать. Сам он был музыкантом, но я подозревал уголовное происхождение, подобно более известным, даже в студенческой среде – лабать, лажать, башлять, хилять, киксовать или кочумать. Впрочем, чему удивляться, если теперь даже название телеканала Н. Михалкова «Бесогон» по фене означает лгуна...

Однако, вскоре грянул очередной Московский международный кинофестиваль, и все мои интересы резко сместились в его сторону. До провинциального Куйбышева фестивальные фильмы тогда не доходили, но в Ленинграде их крутили. Понятно, что на конкурсную программу попасть было сложно, да и не так интересно, в силу весьма специфического и идеологически выдержанного отбора, а вот во внеконкурсной демонстрировались весьма занятные, но абсолютно аполитичные боевики, фантастика, комедии и, о, Боже, эротика! Более всего меня тогда восхитила французская оперная «Дива» Жан-Жака Бенекса. Шло это все, к тому же, необрезанным на фирменной, а не совковой пленке, очень ярко, живо, весело и динамично. Несмотря на высокую цену билетов, в 3 рубля, и демонстрацию попарно западных фильмов-паровозов в связке с менее интересными картинами развивающихся стран, я использовал свободное время на полную катушку и в один из последних выходных установил личный рекорд, посетив за день сразу пять таких киносеансов, стремительно перемещаясь из одного зала в другой.

Впрочем, еще больше, чем в кино, я любил заглядывать в уютные кафе-мороженые, где торговали вкуснейшим фруктовым пломбиром, которым зачастую только и питался тем жарким летом, копаться в развалах богатейших букинистических лавок, выискивая невиданные художественные альбомы, а также прочесывать музыкальные магазины в поисках дефицитных виниловых грампластинок. Можно было бы рассказать и об очередях у Гостиного двора за модными вельветовыми джинсами, но это будет уже совсем иная история, не имеющая к

сегодняшней теме прямого отношения. Джинсы давно сношены, диски заиграны и забыты, альбомы вернулись к букинистам во времена финансовых затруднений, а мороженое выпирает излишками солидности. Но в глубинах памяти до сих пор таится образ солнечного и свежего после утреннего дождя города на Неве, полного счастья, простора и несбывшихся надежд. В следующей части* я расскажу о своем втором пришествии туда через несколько лет уже в совсем ином качестве... Впрочем, не буду забегать вперед. Я и сам тогда представить не мог, как неожиданно повернется моя судьба и как резко изменится культура нашей страны и ее столиц.

*Продолжение: «Культур-мультиур по-питерски»